

Казиміровичу о *Витовтовой коронѣ*, перехваченной и затаенной Поляками, и просили короновать ею сына его, Жигимонта - Августа, на великое княжество Литовское, дабы оно не могло быть *прилащено* къ коронѣ Польской. А нынѣ . . .

1864 года, 15 Мая.

м. г.

О ЛИТОВСКОМЪ ГЕТМАНѢ

КНЯЗЬ ОСТРОЖСКОМЪ.

(Письмо къ М. О. Кояловичу.)

Помѣщая такъ благовременно, въ *Днѣ*, ваши занимательныя лекціи по исторіи Западной Россіи, вы пожелали указаній на *ошибки* ваши, чтобы воспользоваться ими при дальнѣйшемъ изученіи этой исторіи. *Docendo discimus*... и я вмѣняю въ обязанность моему *Украинцу* пособить вамъ хотя нѣсколько въ этомъ дѣлѣ, равно для насъ близкомъ.

Прежде всего посмотримъ на достопамятнаго Литовскаго гетмана, князя Константина Ивановича Острожскаго — гробницѣ котораго донныѣ кланяемся мы въ

великой церкви Печерской. О немъ, въ восьмой лекціи, вы сказали слѣдующее: «Мы имѣемъ одинъ крупный фактъ, доказывающій сильное развитіе въ то время латинскаго фанатизма и въ Литовскомъ княжествѣ. Въ 1522 году Сигизмундъ сдѣлалъ великимъ Литовскимъ гетманомъ Русскаго православнаго князя Константина Ивановича Острожскаго. Съ этимъ званіемъ естественно соединялось право присутствовать въ сенатѣ. Литвины - латиняне сильно вооружились противъ этого назначенія и стали доказывать, что схизматикъ не имѣетъ права засѣдать въ сенатѣ. Замѣтимъ, что они вооружались противъ героя того времени, противъ человѣка, который вѣрно служилъ Литовскому княжеству, страдалъ *десять* лѣтъ въ плѣну въ Москвѣ и за тѣмъ одержалъ надъ войсками Московскаго князя блистательную побѣду. Самъ Сигизмундъ I вступился за князя и на-силу убѣдилъ латинянъ принять его въ Литовскій сенатъ въ видѣ исключенія.»

Фактъ очень *крупный*, но такой сомнительный и несправный, что мы не можемъ принять его въ достовѣрную исторію Западной Россіи.

Начать съ того, что князь Константинъ Острожскій, начавшій свою службу еще при Казимірѣ Ягелловичѣ, назначенъ былъ въ Литовскіе *гетманы* не Жигимонтомъ I и не въ 1522 году, а еще Александромъ, около 1498 года, и еще въ тѣ поры принадлежалъ къ *нанамъ-радамъ* великаго княжества Литовскаго. Документальнымъ свидѣтельствомъ тому можетъ послужить Александрова судная грамота 1499 года съ такою подписью: «А при томъ

были — *гетманъ*, *наместникъ Браславскій и Виницкій*, князь *Константинъ Ивановичъ Острожскій*, а *маршалокъ*, *наместникъ Витебскій*, панъ *Станиславъ Глѣбовичъ*. (см. *Акты Зап. Рос.* Т. I, № 174.)

Въ половинѣ 1500 года князь Острожскій, потерпѣвъ поражение на рѣчкѣ Ведроши, сталъ плѣнникомъ Московскимъ. Тогда Литовскимъ гетманомъ, вмѣсто его, былъ *Станиславъ Петровичъ Кшишка*, еще и въ Августѣ 1507 года; но подь конецъ этого года званіе *гетмана* принялъ опять князь Острожскій, возвратившійся въ свое отечество. Это можно видѣть изъ *Жигимонтовой* грамоты, данной ему въ Ноябрь 1507 года на имѣніе и замокъ Чудновъ въ повѣтѣ Киевскомъ; въ ней сказано: «Вбачивши глубину вѣры, и непорухомую сталость, и мужества терпимость, и нелитованье горла напротивку неприятелей нашихъ *святлоуроженого князя Константина Ивановича Острожского, гетмана великого панства Литовского, старосты Луцкого, Браславского и Виницкого, маршалка Вольнской земли* и т. д. (см. *Акты Зап. Рос.* Т. II, № 29.)

Съ той поры князь Константинъ оставался гетманомъ до кончины своей, принадлежа постоянно къ Литовской Радѣ и занимая въ ней одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Это видно изъ многихъ современныхъ актовъ; на примѣръ, изъ посольскаго акта 1520 года, на которомъ подписано: «А при томъ были панове рада наша—воевода Виленскій, канцлеръ нашъ *Миколай Миколаевичъ Радивиловичъ; митръ Виленскій, гетманъ нашъ кайышій, староста*

Луцкій, Браславскій и Виницкій, маршалокъ Волынской земли, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, державца Мозырскій, Ольбрахтъ Мартиновичъ Гаштольтъ... и т. д. Такимъ же образомъ и въ началѣ 1522 года, на вальномъ сеймѣ Городенскомъ, князь Константинъ присутствовалъ, будучи въ тѣхъ-же званіяхъ и занимая первое послѣ бискуповъ мѣсто, выше Гаштольда и другихъ Литвиновъ. А къ половинѣ того года произошла слѣдующая перемѣна въ званіяхъ: *воеводою Виленскимъ* сталъ Гаштольдъ; ему принадлежавшее званіе *воеводы Троцкаго* передано гетману князю Острожскому; а ему принадлежавшее званіе *пана Виленскаго*—Станиславу Яновичу... Изъ-за этого-то званія, *воеводы Троцкаго*, и была въ 1522 году тревога Литвиновъ-католиковъ противъ православно-Русскаго князя, по сказанію позднѣйшихъ дѣписателей Польскихъ. Но изъ приведенныхъ выше указаній на современныя свидѣтельства очевидно, что въ 1522 году не могло быть и рѣчи о допущеніи въ Литовскій сенатъ того доблестнаго мужа, который уже принадлежалъ къ нему въ продолженіе четверти вѣка и былъ въ немъ однимъ изъ первенствующихъ членовъ. Не о *принятіи* его въ сенатъ, *въ видѣ исключенія*, а развѣ о *выключеніи* его изъ сената могъ бы заговорить тогда кто-нибудь отчаянный изъ Литвиновъ-католиковъ, вопреки здравому человѣческому смыслу и существовавшему въ ихъ государствѣ обыкновенію; ибо въ Литовскомъ великомъ княжествѣ, гдѣ большинство князей и пановъ было тогда исповѣданія православнаго, панами - радами

были одинаково — сановники обоихъ исповѣданій. Такъ продолжалось и послѣ 1522-го года. Такъ было и въ предыдущее правленіе Александрово, чему свидѣтелей много, въ томъ числѣ православные князья: Александръ и Семень Юрьевичи Гольшанскіе, Дмитрій Путятичъ, Михайло Глинскій и самъ Константинъ Острожскій, которому новый государь Литвы, Жигимонтъ I, воздавалъ великія почести по великимъ заслугамъ его государству.

Первою заслугою его, по возвращеніи изъ Московскаго плѣна, былъ крѣпкій отпоръ князю Михайлу Глинскому, который, можетъ быть, и не проигралъ бы своего знаменитаго дѣла, если бы его племянникъ пробылъ въ плѣну *десять* лѣтъ. Но онъ не досидѣлъ тамъ и *семи* полныхъ лѣтъ, и подоспѣлъ въ самую пору. Еще въ началѣ 1507 года, Генваря 20-го, канцлеръ Николай Радивиль и другіе паны-рады Литовскіе, взыывая въ Вильну Кіевскаго митрополита Юсифа, писали, что они послали уже подкрѣпленіе въ замокъ Минскій— «а и сами дасть-ли Богъ, сождавшися съ *княземъ Костянтиномъ* и съ землею Волинскою, и со всѣми паны и бояры и повѣты, Бога взявши на помощь, на кои всидемъ и потягнемъ противку того непріятели господарьского и будемъ ему отпоръ чинити, сколько намъ милый Богъ поможетъ». (см. *Акты Зап. Рос.* Т. II, № 10.)

У насъ, въ Старомъ Лѣтописецѣ и въ Хроникѣ Густынской, (составленныхъ въ XVII вѣкѣ, при пособіи Кромера и Стрыйковскаго) пораженіе и плѣнъ князя

Константина означены подь 1499 годомъ. Но здѣсь нѣтъ той хронологической опредѣлительности, съ какою показано это событіе въ лѣтописаньи Московскомъ, подь 1500 годомъ. -И снидошася воеводы на Митковомъ полѣ, на рѣчкѣ на Ведрошѣ, *мѣсяца Юля съ 14 день*, во вторникъ, на память святаго апостола Акилы; и бысть промежь ими бой великъ и сѣча зла, и милостью Божіею и Пречистыя Его Матери, одолѣша воеводы великаго князя Ивана Васильевича, многихъ побѣдѣша, а иныхъ многихъ живыхъ поймаша воеводъ и гетмановъ и панскихъ дѣтей— князя Константина Острожского, и пана Григорья Остиковича, и пана Литавора маршалку, и иныхъ многихъ; и послаша ихъ къ великому князю на Москву; а съ собою пригонилъ къ великому князю на Москву Михайло Андреевъ сынъ Плещѣва, *Юля съ 17 день*, въ пяттокъ, и сказалъ великому князю воеводъ его здоровіе и Божію помощь на Литовскую землю. Бысть тогда радость велия на Москвѣ.

1864 г. 5 Августа.

■ ■ ■